

УДК 94(470+571)

КАЗАКИ-МУСУЛЬМАНЕ УРАЛЬСКОГО ВОЙСКА НА ГОСУДАРЕВОЙ СЛУЖБЕ

© 2016 г. А.М. Дубовиков

В статье проанализирована роль казаков-мусульман (татар и башкир), которую они играли в Уральском казачьем войске. Кратко показано присутствие казаков-мусульман (в основном татар и башкир) в других казачьих войсках, прежде всего, в тех, что входили в Отдельный Оренбургский корпус. Показаны отдельные примеры достойного выполнения ими своих служебных обязанностей и своего воинского долга. В отношении Уральского казачьего войска приведены дореволюционные источники и дореволюционная литература, свидетельствующие о наличии татар и других мусульман среди его казаков. В статье приведены примеры участия казаков-мусульман в трёх хивинских походах: в походе 1717 года под руководством Бековича-Черкасского, в походе 1839–1840 годов во главе с Оренбургским военным губернатором В.А. Перовским, в кампании 1873 года (и в среднеазиатских кампаниях в целом), а также в событиях, предшествовавших этим походам. Также в статье показана динамика численности казаков-мусульман Уральского войска в разные периоды его истории.

Ключевые слова: яицкие казаки, уральские казаки, казаки-татары, казаки-башкиры, 9-й башкирский кантон, Отдельный Оренбургский корпус, присоединение Средней Азии, Хивинские походы.

О присутствии в рядах первых казаков, появившихся на берегах Яика (в 1775 году ставшего Уралом) представителей тюркско-мусульманских народов свидетельствуют старинные казачьи предания. В 1-й четверти XIX их записал А.И. Левшин в своём «Историческом и статистическом обзоре Уральского казачьего войска». Чуть позже их пересказал А.С. Пушкин в «Истории пугачёвского бунта». В них сообщается, что первую казачью общину на Яике, якобы, основал некто Василий Гугня. По одним данным, он был новгородским ушкуйником, по другим – выходцем с Дона. В той общине, якобы, насчитывавшей лишь несколько десятков человек, был лишь один татарин, как тогда называли всех тюрков-мусульман. Позже число таковых якобы постоянно росло, а вскоре казаки перешли к оседлому образу жизни с постоянными семьями. Согласно преданию, ввиду отсутствия русских женщин, казаки стали жениться на пленницах, а затем – пополнять свои ряды за счёт своих тюрко-язычных соседей, о чём в своё время, якобы, свидетельствовала «бабушка Гугниха», татарка, вдова Василия Гугни (Пушкин, 1995, с. 86–87). Можно не верить преданию, но оно выглядит вполне логично. Причём, подобные предания имеются и в других «старинных» казачьих войсках. Впрочем, если такие предания применительно к раннему этапу казачьей истории выглядят как легенды, то применительно к более позднему периоду такая информация имеет реальное подтверждение. Например, представители народов Северного Кавказа стали активно пополнять казачьи общины своего региона в XVIII веке (Попко, 1880, с.10, 18). Косвенно об этом свидетельствуют названия терских казачьих слобод («Татарская», «Новокрещенская», «Черкасская»). Согласно донскому казачьему преданию, одного из первых донских атаманов звали Сары-Азман (Венков, 2000, с. 13).

Татары присутствовали среди и яицких казаков, участвовавших в неудачном походе Бековича-Черкасского в Хиву. Важным источником о событиях того похода являются показания чудом спасшегося яицкого казака-татарина Урахмета Ахметева (Терентьев, 2016, с. 14).

Две переписи Яицкого казачьего войска, проведённые в 1-й четверти XVIII века поручиком Е.И.Кротковым, а немного позже – полковником И.И.Захаровым, свидетельствуют, что абсолютное большинство яицких казаков были русскими. Нерусских имен было очень мало (Карпов, 1911, с. 892). Тем не менее, следствием мер, предпринимавшихся центральной властью с целью прекращения миграций из земледельческих районов Центральной России и Поволжья на юго-восточные окраины, ряды яицкого казачества активно пополнялись путём принятия в своё войско «инородцев». В основном, это были татары, калмыки и башкиры (Витевский, 1879, с. 29–30; Рябинин, 1866, Ч. I, с. 328).

Следует отметить, что к категории «татар» в тот период относили ногайцев, которых на Яике нередко называли татарами или «татарами-ногаями». По этому поводу Н.А. Аристов в сборнике

«Живая старина» позже отмечал, что ногайцев, по данным на 1875 год, около 87 тысяч в Ставропольской губернии и около 4 тысяч в Уральской области, где они причислены к местному казачеству (Аристов, 1886, с. 30).

Поначалу правительство не противодействовало приёму «инородцев» в казачье сословие. Напротив, зачастую оно способствовало этому. Это касалось не только яицких казаков, но и казаков других регионов, в частности, Дона и Северного Кавказа. Во 2-й трети XVIII века в Яицком войске появились выходцы из Средней Азии, которых на Яике называли «бухарцами», «рухменами», «кизильбашами» и т.п. П.-С.Паллас, посетивший Яицкий городок в 1769 году, отмечал, что среди местного казачества таковых немало (Паллас, 1809, с. 412). Их потомков в следующем веке стали называть «татарами», как и потомков ногайцев, а также всех представителей тюркско-мусульманской общины Уральского казачьего войска. С другой стороны, некоторая часть их была постепенно ассимилирована.

Во 2-й половине XVIII века приток «инородцев» в Яицкое войско сократился, а к концу века фактически прекратился (Рябинин, 1866, Ч. I, с. 385). Это было вызвано, с одной стороны, нежеланием возросшего казачьего населения делиться своими жизнеобеспечивающими ресурсами с чужаками, и, с другой стороны, поддержкой такой позиции властями. Поэтому в XIX – начале XX века никаких существенных изменений в этническом составе Уральского войска не происходило.

В отличие от казачьих войск Кавказа, Оренбуржья, Сибири и Дальнего Востока (где вопрос о включении в казачье сословие новых элементов решался на уровне военного ведомства и правительства), приём новых лиц в уральскую казачью общину без её согласия был невозможен. И в этом её одна из уникальных черт. Правда, попытка внедрить в ряды уральского казачества новую этносоциальную группу, не спросив согласия казаков, всё же была предпринята в 1832 году, но оказалась неудачной. Тогда к уральскому казачеству был причислен 9-й башкирский кантон (считавшийся одним из лучших), ставший «Башкирским отделом» Уральского войска. Однако уральская казачья община отказалась принять чужаков на своей территории и делиться с ними своими угодьями. Воспрепятствовать этому правительство не могло, так как все земельные и водные угодья в границах Уральского войска считались собственностью его казачьей общины. В итоге башкирский отдел был расселён за пределами войсковых границ, в районе рек Ирғиз и Камелик, и подчинён Уральскому войску лишь формально. За 33 года между башкирами и уральцами не установилось ни культурных, ни экономических контактов (Железнов, 1910, с. 258). При Александре бессмысленность такого «альянса», давно ставшая очевидной, привела к отделению башкирского отдела от Уральского войска в 1865 году. Небольшое количество башкир осталось лишь в Илецкой станице, где они проживали и ранее, до 1832 года, но и они не входили в казачью общину (Борodin, 1891, с. 313).

Результаты двух переписей яицкого казачества, относящихся к XVIII веку, объединены в одном документе, хранящемся в военно-историческом архиве (РГВИА, ф. 653, оп. 1, д.1). Они датированы 1765 и 1772 годами. Это было время «смуты» в Яицком войске, когда казаки регулярно посылали в столицу своих жалобщиков на злоупотребления старшинско-атаманской верхушки, сторону которой практически всегда принимали приезжавшие для разборок чиновники. «Смута» завершилась январским восстанием 1772 года, которое было подавлено летом того же года генералом Фердинандом фон-Фрейманом, проведшим после всех экзекуций очередную перепись. Сравнение данных 1772 и 1765 годов позволяет определить, кто из войсковых чиновников был убит повстанцами, кто наказан, кто «подался в бега». Несмотря на масштаб потрясений 1772 года, к существенным изменениям они не привели. Иное дело – бегство калмыков на историческую родину, в «Зюнгорию» (Джунгарию) в 1771 году, приведшее к резкому сокращению их численности в войске. О татарах этого сказать нельзя, их количество практически не изменилось.

Анализ данных переписей позволяет проследить численность казаков-татар на тот период. Среди представителей войсковой администрации был лишь один татарин – престарелый Мавлекей Ицмагулов. Среди 32 казачьих сотен, приписанных к войсковой столице (Яицкому городку), одна сотня была чисто татарской. Татарином был и её командир, Сапар Ахметев. Сотня, стоящая последней по списку (№32), насчитывала только 8 десятков и отличалась смешанным русско-татарским составом, возглавлял её сотник Василий Пузаткин (РГВИА Ф.653. Оп.1. Д.1. Л.11, 46–57, 514–525). Таким образом, среди 32 сотенных командиров татарин был только один.

В линейных крепостях и форпостах ситуация была иной, доля татар там была выше. Например, в Коловертном форпосте среди 35 казаков всех возрастов (служилых, отставных, малолетков и мальчиков) было 12 татар. В Индерской крепости – 24 из 130 (РГВИА Ф.653. Оп.1. Д.1. Л.574–583).

Любопытно, что среди казаков, служивших при Индерской крепости, указан некто Аптакарим (Абдукарим) Тангаев – ближайший сподвижник Пугачёва, фигурировавший в следственных документах как «Аптыш Тангаев». Бежавший после подавления пугачёвщины к хану «Младшей киргизской Орды» Нурали, он был выдан им, а затем казнён в Яицком городке.

Часть казаков-татар проживала в двух имевшихся тогда в войске станицах – Илецкой и Самарской, где их было 85 из 898 и 52 из 617 «душ» (мужского пола) соответственно (РГВИА Ф.653. Оп.1. Д.1. Л.658–675). При этом ни в станицах, ни в линейных укреплениях татары не занимали начальствующих должностей. Они были представлены лишь среди толмачей, должности которых имелись лишь при четырёх пунктах. Но лишь в двух из них – в Гурьеве-городке и Сахарной крепости толмачами были татары – Мухамет Мульмин и Джуман Щербюкеев. В Тополиной и Сарайчиковской крепостях толмачи были русские (РГВИА Ф.653. Оп.1. Д.1. Л.616, 635, 642, 575).

Казачьи чины были приравнены к регулярным чинам в 1798 году, в соответствии с указом Павла I. Порядок присвоения офицерского чина определялся различными факторами – как личными качествами, так и происхождением, заслугами и чинами предков. Требовалось безусловно прослужить длительный срок в качестве урядника (казачьего унтер-офицера), чтобы командование смогло представлять казака в качестве претендента на офицерский чин. При наличии дворянства срок службы в урядниках сокращался в несколько раз. Проанализировать этнический состав офицеров и урядников Уральского казачьего войска можно с помощью формулярных послужных списков. Согласно спискам за 1813 год, среди 14-ти штаб-офицеров (полковников, подполковников и войсковых старшин) был один татарин – Узбек Тюняев. Среди ста с лишним обер-офицеров татар было лишь трое, даже среди урядников – только четверо (РГВИА Ф.489. Оп.1. Д.3092. Л.5, 73, 76, 81, 89, 98).

Позже, во второй половине XIX века, появилось требование получения военного образования в соответствующих учебных заведениях, однако, для обучения в них требовалась принадлежность к дворянскому сословию (требование было отменено лишь в 70-е годы XIX века). Дворяне, хотя и в небольшом количестве, присутствовали и среди татар. Например, среди четырёх уральских казаков, окончивших в 1867 году Оренбургский («Неплюевский») кадетский корпус с присвоением чина хорунжего был один татарин – Ахмедфазыл Акиров (Уральские войсковые ведомости. 1867. №38). Некоторые фамилии довольно часто фигурировали в различных областных и войсковых документах. Среди них, например, Исакаковы или Нуралины (Памятная книжка, 1898, с.159). Судя по последней фамилии, её обладатели были потомками хана Нурали, возглавлявшего в своё время Младший казахский жуз. Но, как и все казаки-мусульмане, Нуралины попали в категорию «татар».

Несколько уральских казаков из числа этнических татар присутствовали и в отряде генерал-адъютанта В.А. Перовского, Оренбургского военного губернатора, отправившегося в 1839 году в хивинский поход. Но среди казаков – участников того похода – башкир было гораздо больше, хотя они и не были представителями Уральского войска. В то время оренбургские башкиры представляли собой самостоятельное казачье войско, причём, самое многочисленное в Оренбургском крае. Так, к осени 1839 года, то есть, к началу похода Перовского, в Отдельном Оренбургском корпусе, состоявшем в его ведении, состояло более ста тысяч человек. При этом подавляющее большинство из них было представлено иррегулярными формированиями, среди которых, в свою очередь, абсолютное большинство составляли башкиры. На тот момент численность казачьих войск корпуса была следующей: уральцев – 87 и 3552 (офицеров и нижних чинов), оренбуржцев – 190 и 11863, мещеряков – 293 и 12501, башкир – 1362 и 73089 (Иванин, 1874, с. 56). К тому времени не прошло и полутора десятилетий с момента начала зимнего похода Ф.Ф. Берга. В 1825 году отряд полковника Берга выдвинулся из Сарайчиковской крепости через Мангышлак к Аральскому морю. Целью похода была рекогносцировка местности для будущего продвижения в Среднюю Азию, а также наказание казахского рода «адай» за грабежи и набеги на российские владения. Башкирские казаки в том походе не участвовали, но предоставили участникам похода 544 лошади для перевозки фуража и амуниции. Ещё по 600 лошадей для этих целей предоставили непосредственные участники похода – уральцы и оренбуржцы, коих было 1200 и 400 человек соответственно (Иванин, 1874, с.16–17).

На походе Перовского в Хиву следует остановиться отдельно. Первоначально для него планировали выделить более пяти тысяч офицеров и нижних чинов из состава Отдельного Оренбургского корпуса, в том числе три казачьих полка: Уральский, Башкирский и Оренбургский, общей численностью – 60 офицеров, 60 урядников и 1650 рядовых. Всего 16 конных сотен, из них половина (8 сотен) башкирских. Кроме того, для основания двух становищ на пути следования отряда предполагалось выделить 6 казачьих сотен, оренбургских и башкирских (по три от тех и других), всего

19 офицеров, 24 урядников и 660 рядовых. Позже эти цифры были существенно скорректированы, хотя общая численность отряда почти не изменилась. И вот почему. Справедливости ради надо отметить, что, давая оценки разным категориям участников того похода, Иванин, будучи его участником, дал башкирам и мещерякам, в целом, невысокую оценку. По его мнению, они «по недостатку в обучении и невоинственности, мало годились для похода». В то же время, Иванин неодинаково оценивал разные категории башкир. Он отметил, что для того похода были набраны башкиры из 9-го и 16-го кантонов, которые считались наиболее воинственными. Однако первенство Иванин отдал уральским казакам, полагая, что они «по знанию степи и степных походов, привычке к трудам и непогодам, и постоянному отражению хищнических набегов при охранении своих пределов, могут считаться хорошими воинами для степных походов и необходимым конным войском для экспедиции в Хиву». Очевидно, по этой причине планируемый ранее состав отряда был пересмотрен. Численность уральских казаков была увеличена до 1244 человек (включая 38 офицеров и 64 гурьевцев – также казаков Уральского войска, используемых в качестве матросов). Число башкир было уменьшено с восьми до полутора сотен – 4 офицера и 171 нижний чин (Иванин, 1874, с. 47, 57–58, 59, 60).

Кроме того, башкирские казаки 12-ти кантонов, с 1-го по 12-й, приняли активное участие в снабжении отряда Перовского во время подготовки к походу, доставляя в Оренбург провиант и прочие грузы. Затем казаки первых пяти кантонов доставляли обозы с необходимыми для войск грузами из Оренбурга в казахскую степь, где были основаны укрепленные перевалочные пункты. Всего в сопровождении обозов в казахскую степь участвовали 7878 башкир, включая 159 офицеров. При этом 196 из них заболели и умерли в степи, в том числе три офицера. Ещё трое башкир умерли позже в илецком госпитале (Иванин, 1874, с. 217–219). Всё это наглядно свидетельствует, что подобные «транспорты» отнюдь не были лёгкими прогулками, и по своей сложности мало отличались от военных походов. Например, от того же похода Перовского, в котором, кстати, к началу апреля 1840 года умер всего лишь один казак Башкирского войска. Для сравнения: в оренбургских линейных батальонах число умерших солдат исчислялось сотнями (Иванин, 1874, с. 248–249).

Казаки-мусульмане периодически, если того требовала ситуация, проявляли героизм не меньший, чем другие категории казачества. При штурме Туркестанской крепости отличился хорунжий Ниязмухаметов (РГВИА Ф.1441. Оп.1. Д.155. Л.3–Зоб.). В числе казаков уральской сотни есаула В.Р. Серова, проявившей чудеса героизма в бою со стократно превосходившим её войском кокандского правителя Алимкула 4–6 декабря 1864 года, был казак Насыр Фаткуллин. Будучи единственным татаринном в сотне, он с честью выполнил свой воинский долг и вскоре после тех событий умер от ран (Хорошхин, 1889, с.48). Среди уральских казаков, награждённых «за дело с бухарцами 5 апреля 1866 года при урочище Мурза-Рабат» были сотник Курбан Баукаев и урядник Бухар Хусаинов (Уральские войсковые ведомости. 1867. №№6,18). Летом 1870 года подполковник Байков отрядил из своей экспедиции 20 казаков для сопровождения каравана из ста тридцати верблюдов от озера Чушка-куль к реке Чеган. В пути следования, на караван напал крупный отряд адаевцев. Облаченные в кольчуги, они были защищены от пуль, поскольку у казаков были только пистолеты, не способные пробить подобную защиту. Тем не менее, казаки смогли продержаться до прихода помощи, хотя противник многократно превосходил их по численности. Практически все они получили по нескольку ранений, а три человека погибли. Отряд состоял из 14 донских, 3 оренбургских и 3 уральских казаков, одним из которых был татарин Халимов, параллельно выполнявший функции переводчика (Герентьев, 2016, с. 165–166). При штурме ахалтекинской крепости Геок-Тепе в начале 1881 года одним из тех, кто получил смертельное ранение, был казак-татарин Джалдыбаков. Будучи ещё живым и находясь в сознании, он с гордостью признался, что в его роду все уклонялись от строевой службы, зато он отслужил за них сполна, будучи представлен к «Георгию» (Гуляев, 1882, с. 70–71).

Кроме татар и башкир, в казачьих войсках дореволюционной России и им подобных иррегулярных частях служили и другие представители мусульманских и тюркских народов. В частности, представители этих народов приняли самое активное участие в хивинском походе 1873 года, а также в предварительной подготовке к нему. Подобные формирования составили основную часть Мангышлакского и Красноводского (Чекишлярского) отрядов. В тот период Мангышлакское приставство находилось в ведении кавказских, а не туркестанских или оренбургских властей. Именно поэтому на Хиву со стороны Каспия были выдвинуты войска Кавказского корпуса, в составе которых присутствовали ширванский, апшеронский и другие полки и батальоны, укомплектованные этническими кавказцами, включая офицеров. Например, 3-я стрелковая рота апшеронцев поручика Алхазова, отрази-

ла попытку хивинцев отбить табун верблюдов, уничтожив при этом значительную часть противника. Тогда же подполковник Скобелев с бойцами дагестанского полка и уральскими казаками атаковал хивинский конный отряд в тысячу сабель, обратив противника в бегство и нанеся ему серьёзный урон. Во время очередной стычки с хивинцами, пятеро казаков кизлярско-гребенской сотни во главе с ротмистром Алихановым имитировали бегство от противника, дабы заманить его в засаду. При отбитии хивинского орудия отличились 2-я и 3-я роты ширванского полка. Позже ротмистр Алиханов был ранен в обе ноги. Отличился в той кампании и командир 4-й стрелковой роты Апшеронского полка капитан Бек-Узаров. В бою с мятежными адаевцами получил ранение прапорщик Зейналбеков. В феврале 1873 года, преследуя туркменов, бежавших за реку Атрек (граница с Персией), майор Ма-чавариани, приказал переправиться на персидский берег. При этом первым погибшим «русским» стал казак кизлярско-гребенского полка чеченец Лабазан Бектемиров, получивший шестнадцать сабельных ударов (Терентьев, 2016, с. 183–184, 323, 359–361, 364).

В Уральском войске имелись полностью нерусские казачьи посёлки, калмыцкие и татарские. При этом татарские селения располагались, в основном, в северной и северо-восточной части войска, граничащей с Оренбуржьем, калмыцкие – в южной и юго-западной его части. В ряде посёлков и станиц казачье население было этнически смешанным. Общую этническую картину того или иного посёлка или станицы можно проследить не только по переписи их жителей, но и по другим документам. Например, по данным о детях, родившихся в казачьих семьях. Так, в 1860 году у казаков-мусульман («магометан») родились 147 детей (без учёта башкирского отдела). Например, в Илецкой станице (6 форпостов, 10 хуторов и один городок) в том же году «в магометанстве» родилось 18% новорождённых (92 из 520). Это примерно вчетверо выше, чем в среднем по Уральскому войску (в русских семьях тогда родилось 3002 ребёнка, или около 94% новорождённых). В других частях войска татар было мало. К примеру, на средней дистанции (в 1869 году вместо «дистанций» и «линий» появились «отделы») рожденные «в магометанстве» составили всего лишь 0,5% (Рябинин, 1866, Ч. II. Приложение №42). При этом уровень рождаемости был примерно одинаков у всех основных этнических групп. Судить об этническом составе можно также по документам, связанным с очередным призывом на действительную службу, или увольнением со службы. Так, к примеру, по приказу ВРИО наказного атамана полковника Родзянко №804 от 12.11.1893 года. Согласно данному приказу, из полевого разряда в разряд внутренне-служащих переводились 5 казаков Озёрного посёлка Илецкой станицы – все татары: Гафьятулла Гайнутваров, Шайхутдин Назметдинов, Шайхатдин Шаяров, Шайхаттар и Сахаутдин Шагизьяновы. Такая же картина оказалась и в Мухорском посёлке Глиненской станицы – все пятеро татары: Рахматулла Аиткуллов, Абдулвагап Балыков, Мустай Искендеров, Давлет-Галий Нигаев, Гусман Сюндюков. В Мустаевском посёлке Мустаевской станицы также все оказались татарами. Ещё в одном небольшом посёлке той же станицы, очевидно, население было смешанным; в приказе указаны двое – Гариф Зарифов и Кузьма Дубовсков. В Мухрановском посёлке Студёновской станицы население также было смешанным – во внутренний разряд переводились 7 татар и 11 русских. В Кушумском поселке из полевого разряда выводились 5 татар и 6 русских (РГВИА Ф.653. Оп.1. Д.2. Л.213–222.).

К началу XX века мечети имелись в ряде казачьих станиц и посёлков Уральского войска, преимущественно, в его северной части – в Мустаевской, Студёновской и ряде других. В Уральске, Илецке и станице Сламихинской мусульманские общины возглавляли ахуны. В 1900 году эти посты занимали, соответственно, Абдусалех Ишкулов, Абдулгаллям Давлетшин и Губайдулла Галькиев (Памятная книжка, 1900, с.325).

Противостояний или конфликтов, основанных на межэтнических или на межрелигиозных противоречиях, Уральское войско не знало. Несмотря на некоторую культурно-бытовую (в том числе религиозную) изоляцию и фактическое отсутствие смешанных браков у различных этнических общин, между ними издревле поддерживались уважительные отношения, и, в случае необходимости, готовность к взаимопомощи. Важнейшим фактором являлась общая воинская повинность. Казаки-мусульмане, вместе с русскими, участвовали в войнах, которые вела страна, в том числе и против мусульманских стран. Участвовали они и в среднеазиатских кампаниях, и в подавлении волнений в казахской степи (зачастую совместно с казахскими джигитами из ханских и султанских команд). Ярким свидетельством тому могут служить личные дела многих из них. Например, Шамай Тангаев с 1808 по 1811 год «в молдавской армии противу турок в неоднократных сражениях был». Ахмет Хаметьев в 1804 году служил «в киргизской степи», а в 1811 – «в Молдавии противу турок». «В многократных сражениях противу турок» был в 1807–1811 годах и Апкеш

Утяпов. Искендер Чубеков, Утяп Юсупов также «были в азиатской степе», «в резервных командах за Уралом» (РГВИА Ф.489. Оп.1. Д.3092. Л.53, 73, 89, 76, 81, 98).

Используя данные переписей 2-й половины XIX – начала XX века, можно сделать вывод, что за этот период этнический состав уральского казачества никаких серьёзных изменений не претерпел. В 1862 году, согласно данным А.Д. Рябинина, из 81998 казаков русских было 70331 (86%), башкир – 6095 (7%), татар – 4168 (5%), калмыков – 1184 (1,4%). Прочие (преимущественно, каракалпаки) составляли примерно полпроцента (Рябинин, 1866, Ч.1, с. 330–331). Без учёта башкир картина становится иной, доля русских вырастет до 92,5%, татар – до 5,5%, калмыков – до 1,5%. Через полтора десятилетия это соотношение практически осталось тем же. В 1876 году, по данным Н.А. Бородина, русских стало 93%, татар – 5,5% калмыков – 1,5%. Незначительное увеличение доли русских, по мнению Н.А.Бородина, можно объяснить тем, что их число пополнилось за счёт 0,5% «прочих». Так, по его выражению, каракалпаки «обрусели окончательно», но именно они составляли основную массу «прочих». В 1885 году в Уральском войске русских было 93658 (93,7%), татар – 5378 (5,4%), калмыков – 934 (0,9%) (Бородин, 1891, с. 138–139). Очевидно, у калмыков прослеживалась та же тенденция, что и у каракалпаков. Согласно первой всероссийской переписи 1897 года в Уральском войске из 114166 «лиц казачьего сословия» русских насчитывалось 106688 (93,5%), татар – 6304 (5,5%), калмыков – 963 (0,8%). Вновь появились «прочие» (представители ещё семи национальностей, возможно, «казаки» в первом поколении), но все они, вместе взятые, составляли менее 0,2% (Первая всеобщая. Т.88, 1904, с. 116–117).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племён и народностей, сведения об их численности // Живая старина. 1886. Вып. III-IV.
2. Бородин Н.А. Уральское казачье войско. Уральск 1891.
3. Венков А.В. Казаки. Ростов-на-Дону, 2000.
4. Витевский В.Н. Уральское войско до появления Пугачёва // Русский архив. 1879. Кн.1.
5. Гуляев А.Л. Поход на Амударью и Текинский оазис уральских казаков в 1880–1881 годах. Уральск, 1882.
6. Железнов И.И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. Т.1-III. СПб., 1910
7. Иванин М.И. Описание зимнего похода в Хиву 1839–1840 гг. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1874.
8. Карпов А.Б. Уральцы. Исторический очерк. Т.1. Уральск, 1911.
9. Левшин А.И. Исторический и статистический обзор Уральского казачьего войска. Ч.1–2. СПб., 1823.
10. Паллас П.С. Путешествия по различным провинциям Российской империи. Ч.1. СПб., 1809.
11. Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1898 год. Саратов, 1898.
12. Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1900 год. Уральск, 1900.
13. Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времён. СПб., 1880.
14. Пушкин А.С. История Пугачёва // Полн. собр. соч. А.С. Пушкина в 17 т. Т.9. Ч.1. М., 1995.
- 15.РГВИА. Ф.489. Оп.1. Д.3092.
- 16.РГВИА. Ф.653. Оп.1. Д.1.
- 17.РГВИА. Ф.653. Оп.1. Д.2.
- 18.РГВИА. Ф.1441. Оп.1. Д.155.
19. Рябинин А.Д. Уральское казачье войско. ЧЧ.1-II. СПб., 1866.
20. Терентьев М.А. Хивинские походы русской армии. Изд. 3-е. М.: Изд-во «Вече», 2016.
21. Уральские войсковые ведомости. 1867 г. Газета
22. Хорошхин М.П. Геройский подвиг уральцев. Дело под Иканом 4, 5 и 6 декабря 1864 года. Изд. 2-е. Уральск, 1889.

Список сокращений:

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

A.M. Dubovikov**COSSACKS-THE MUSLIMS OF THE URAL TROOPS FOR STATE SERVICE**

The article analyzes the role of Muslims (Tatars and Bashkirs), they played in the Ural Cossack army. Briefly noted the existence of the Cossacks-Muslims (mainly Tatars and Bashkirs) in other Cossack troops, especially the troops of the separate Orenburg corps. Shows examples of proper performance of their duties and their military duty. In respect of the Ural Cossack troops are the sources of pre-revolutionary and pre-revolutionary literature, indicating the presence of the Tatars and other Muslims among his Cossacks. The article provides examples of participation of the Cossacks-Muslims in three of the Khivan campaigns: the campaign of 1717, under the leadership of Bekovich-Cherkassky, in the campaign of 1839–1840 years headed the Orenburg military Governor V. A. Perovski, in the campaign of 1873 (and in the Central Asian campaigns in General), and also in the events preceding these trips. The article also shows the dynamics of the population of the Cossacks-Muslims among the Ural Cossacks at the different periods of the Ural Cossack troops history.

Keywords: Yaik Cossacks, Ural Cossacks, Cossacks-Tatars, Cossacks, Bashkirs, 9th Bashkir Canton, Separate Orenburg corps, the annexation of Central Asia, Khiva tours.

Сведения об авторе:

Дубовиков Александр Маратович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Философия, история и правоведение» Поволжского государственного университета сервиса (г. Тольятти); E-mail: alexdubovikov@yandex.ru

Dubovikov Alexander Maratovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of Chair «Philosophy, history and jurisprudence», Volga region State University of Service (Tolyatti).